

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Филологический факультет

На правах рукописи

Алпатов Сергей Викторович

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЛЕГЕНДЫ
(книжные источники и поэтика фольклорных сюжетов об искушении)

Специальность — 10.01.09. Фольклористика.

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

1998

Работа выполнена на кафедре русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор В.П. Аникин

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
У.Б. Далгат
кандидат филологических наук
Н.Е. Котельникова

Ведущее научное учреждение:

Московский городской педагогический университет

Защита состоится «___» _____ 1998 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д.053.05.11 при Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова.

Адрес: 119899 Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1 корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке филологического факультета МГУ.

Автореферат разослан «___» _____ 1998 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доцент

А.А. Смирнов

Актуальность проблемы и научная новизна работы.

Вопрос о жанровой природе легендарного повествования остается актуальной темой современной фольклористики. Предшествующие поколения ученых обращались к материалу фольклорной легенды при решении вопроса об общей типологии фольклорных жанров,¹ либо в поисках параллелей к книжным вариантам того или иного сюжета,² либо как к источнику сведений по народному мировидению.³ Множество частных наблюдений над поэтикой народной легенды рассыпано по исследованиям новеллистической сказки, лубка, исторических преданий. Вместе с тем, изучению легенды как самостоятельного жанра фольклора — с собственным коммуникативным назначением и особым поэтическим строем — не было уделено достаточного внимания.

Настоящая работа ставит в центр рассмотрения основное свойство жанра — его *повествовательную природу*, раскрывает единство функционального, формального и содержательного аспектов легенды, предлагает комплексную методику анализа нарративного текста, применимую и к другим жанрам устной прозы.

Цели и задачи исследования.

Целью настоящей работы является описание принципов построения повествования в народной легенде об искушении. Для достижения поставленной цели необходимо:

- описать уровни анализа нарративного текста,
- охарактеризовать массив исследуемого материала (тематическая группа легенд об искушении) с точки зрения принципов организации повествования,
- дать определение жанра легенды.

Структура диссертации.

Логика решения сформулированных задач определяет структуру работы:

¹ **Азбелев** С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, с. 5-25; **Аникин** В.П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы // Русский фольклор, вып. 13, М., 1972, с. 6-29; **Чистов** К.В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974, с. 6-31; **Померанцева** Э.В. Соотношение эстетической и информационной функции в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. М., 1975, с. 75-81.

² **Древнерусская повесть** (сост. В.П. Адрианова-Перетц, В.Ф. Покровская), вып. 1. М.-Л., 1940; **Державина** О.А. “Великое Зерцало” и его судьба на русской почве. М., 1965; **Журавель** О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996; **Демкова** Н.С. Средневековая русская литература. Спб., 1997.

³ **Чистов** К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII — XIX вв. М., 1967.

Введение посвящено характеристике уровней повествовательного текста и методик его анализа, а также функциональному определению жанра легенды.

В *первой* главе тема искушения анализируется в рамках *книжной* традиции, являющейся истоком и регулярным контекстом для легендарных сюжетов фольклора.

Вторая глава посвящена тезаурусному описанию структуры *фольклорных* легенд об искушении.

В *третьей* главе рассматривается вопрос о специфике *композиции* фольклорной легенды как реализации нарративного замысла рассказчика.

В *Заключении* подводятся итоги исследования и формулируются выводы о жанровой природе легенды.

Работа снабжена *Библиографией*.

Материал исследования.

Выбор в качестве материала сюжетов *об искушении* с необходимостью включает в рассмотрение тексты смежных тематических групп (о грехе, судьбе, посмертном воздаянии и т.д.), в состав которых также входит мотив нравственного испытания (искушения, соблазна), что позволяет, не охватывая весь массив фольклорных легенд статистически, делать выводы о нарративных механизмах жанра в целом.

Использование в качестве источников памятников средневековой русской словесности, а также классических сборников фольклорной прозы XIX — рубежа XX вв. позволяет выделить исконные элементы смысла в понятии искушения, а также характерные повествовательные механизмы их реализации. Привлечение же большого числа экспедиционных записей второй половины XX столетия (из архива кафедры фольклора МГУ и публикаций аналогичных собраний несказочной прозы) дает возможность выявить устойчивые формальные и содержательные компоненты легенд об искушении, сохраняющие свою актуальность и при деформациях традиционной духовной картины мира.

Теоретические и методологические основания работы.

Теоретическую основу исследования составили положения теории фольклора о традиционном характере устного народного творчества, своеобразии отражения действительности в разных жанрах фольклора, об историческом развитии поэтических форм в связи с эволюцией общественного сознания.

В соответствии с намерением *выявить типовые повествовательные структуры* фольклорной легенды, а также *дифференцировать жанры* сказочной прозы в работе используются структурно-типологический и сопоставительный методы исследования.

Научная и практическая ценность исследования.

В работе предложена комплексная методика анализа фольклорного повествования, выделены содержательные и формальные основания дифференциации жанров устной сказочной прозы.

Анализ состава избранной тематической группы легенд обнаруживает механизмы бытования сюжета в едином жанровом поле фольклорной прозы.

Выявленные варианты (эмоционального, утилитарного и собственно нравственного) восприятия «искушения» в фольклорной среде позволяют проследить векторы эволюции народного христианства.

В научный оборот вводится значительный массив неопубликованных экспедиционных записей из архива кафедры фольклора МГУ.

Результаты исследования позволяют совершенствовать разделы учебных курсов, посвященные фольклорной прозе.

Апробация работы.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры русского устного народного творчества МГУ имени М.В. Ломоносова. По теме диссертации были сделаны доклады на научных конференциях «Язык, литература, культура: традиции и инновации» (МГУ, 1993), «Славянская традиционная культура и современный мир» (Москва, 1996), «Литературоведение на пороге XXI века» (МГУ, 1997). Основные положения работы изложены в публикациях автора, список которых представлен в конце автореферата.

Содержание диссертации.

Основными задачами **Введения** являются:

- характеристика уровней анализа повествовательного текста,
- описание современных аналитических методик, соответствующих каждому уровню,
- формулирование комплексного исследовательского подхода к фольклорному повествованию.

Исследование любого феномена человеческой культуры основывается на фундаментальных положениях семиотического подхода. Семиотический угол зрения на текст позволяет сформулировать такую важную методологическую проблему, как дистанция между позицией исследователя и носителя традиции. Ученый “видит” предмет *извне* как синхронно существующую *систему*, тогда как носитель традиции воспринимает текст (всю совокупность текстов своей культуры) *изнутри* как динамический процесс рождения и умирания конкретных *произведений*.⁴ Если рассказчик *владеет* механизмами порождения текста, то исследователь может понять законы фольклорного повествования лишь после соответствующего изучения культурной парадигмы.

Разрыв между культурными системами носителя традиции и ее исследователя обуславливает необходимость изучения “словаря и грамматики” фольклорного нарратива, а следовательно, создания ученым тезауруса — свода *действующих лиц* и их *атрибутов, действий* и их *объектов, пространственно-временных характеристик*, а также описания возможных сочетаний этих элементов.⁵

Парадигматический взгляд на текст позволяет описать систему представлений о мире носителя исследуемой традиции. Элементом повествовательной структуры, связывающим парадигматический уровень с синтагматическим, является *тема*.

Не развернутая в рассказ тема содержит в себе все системно возможные смыслы входящих в нее концептов. Отбор формальных и смысловых связей рождает *фабулу*. В структуре фабулы важными оказываются: причинно-следственные связи элементов темы; хронологические отношения одновременности, следования (таксис). Кроме того, объективные связи элементов темы, должны быть пропущены через призму человеческих интересов и стремлений.⁶ В понятии “интереса” скрыто определение *мотива*: мотив есть длящееся действие от момента возникновения цели (интереса, аттрактора) до момента ее осуществления (критическая точка действия и ее последствия).

⁴ Живов В.М. О внутренней и внешней позиции при изучении моделирующих систем // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979, с. 6 -13.

⁵ **Фольклор**: проблемы тезауруса. М. 1994. **Никитина** С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

⁶ **Томашевский** Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996, с. 180. **Бремон** К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствознание. М., 1972, с. 112.

Мотив — динамическая структура, не зависящая напрямую от длительности действия (сложности пути к цели) и определяющая *связность* сюжета. *Эпизод* формируется идеей перемены и обуславливает *дискретность* композиции нарратива (интерес к новым аттракторам, сюжетным перипетиям).⁷

Если со стороны формы совершенство нарративной техники определяется последовательностью разворачивания мотивов и гармонией композиции эпизодов в сюжете, то в плане семантики столь же важна иерархия *т о ч е к з р е н и я* персонажей. Точка зрения определяет *пространственно-временную, идеологическую и психологическую*⁸ позицию героев (повествователя) по отношению к событиям, происходящим (излагаемым) в данный момент рассказа.

Разворачивание действия и оценка происходящего могут осуществляться с единственной (*монологической*) точки зрения, принадлежащей главному герою либо повествователю. В сюжете с несколькими героями *доминантной* позиции протагониста могут противостоять *подчиненные* точки зрения антагониста и нейтральных персонажей. Наконец, отношение точек зрения в сюжете может быть не просто диалогическим, но и *полифоничным* — в случае равноправия “голосов” персонажей.

Описание композиции сюжета оказывается неполным, если не учитывается динамическое единство *порождения* смысла рассказчиком и *постижения* его слушателем. Понятием, синтезирующим повествовательную технику и коммуникативные установки рассказчика/ слушателя в единое целое является *нарративная стратегия*,⁹ определяющая жанровый облик произведения.

Глубинные структуры повествования (тема, мотив, эпизод, точка зрения) оказываются доступны для анализа через поверхностные структуры поэтической речи. Лингвостилистический анализ повествования входит обязательной составляющей в арсенал изучения нарратива.¹⁰

⁷ Андреев Н.П. Проблема тождества сюжета // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988, с. 230 - 243.

⁸ Успенский Б.А. Семиотика искусства. М. 1995.

⁹ Изер В. Историко-функциональная текстовая модель литературы // Вестник МГУ. Филология. 1997. № 7, с. 118-142.

¹⁰ Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М. 1972. С. 95-113. Падучева Е.В. Семантические исследования. М. 1996. **Виноградов В.В.** Стиль “Пиковой дамы” / Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980, с. 176 - 239.

Специфика стиля фольклорной прозы во многом обусловлена дистанцией между языком художественного рассказа и бытовой речью. Как следствие, в комплекс средств изучения фольклорного нарратива войдут методики анализа форм речевой стереотипии.¹¹

Вторая задача Введения — дать функциональное определение легенды, которое послужило бы основанием для формальных и содержательных характеристик жанра в последующих главах.

Функциональное определение жанра строится на основе разработанной Р.О.Якобсоном типологии коммуникативных функций языка,¹² а также опирается на положения теории М.М.Бахтина о речевых жанрах.¹³

Легенда — разновидность устного повествования, сообщающего достоверную информацию о духовно-нравственном устройстве мира и обладающего в связи с этим универсальным охватом реальности. Легенда может быть рассказом о давно прошедших временах (библейские, апокрифические, агиографические сюжеты), и сообщением о только что случившемся факте (обмирание), либо о регулярно происходящем событии (мироточение иконы, чудесные исцеления от нее). Сообщая достоверный факт, рассказчик легенды может любоваться эффектной фабулой (эстетическая модальность), вызывать у слушателей ужас, смех, сострадание (эмотивный аспект), но, в первую очередь, он поучает.

Благодаря такой жанровой природе легенда способна быть не только условной этической моделью, но и полноценным повествованием, эстетический, эмотивный и прагматический аспекты которого *подчинены* единой задаче: дать этическую оценку происходящему.¹⁴

В рамках изложенного подхода становится необходимым ввести разграничение ядра и периферии жанра, где к ядру будут отнесены тексты, регулярно реализую-

¹¹ **Мальцев** Г.И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики // Русский фольклор, вып. 21, Л., 1981, с. 13-37. **Рошияну** Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974. **Адлейба** Д.Я. Неформульно-повествовательная стереотипия в волшебной сказке // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М., 1980, с. 139 - 159.

¹² **Якобсон** Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм “за” и “против”. М. 1975. С. 193-230.

¹³ **Бахтин** М.М. Проблема речевых жанров / Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 237-280.

¹⁴ О полифункциональности жанров несказочной прозы см. **Аникин** В.П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы // Русский фольклор, вып. 13, М., 1972, с. 6-29. **Померанцева** Э.В. Соотношение эстетической и информационной функции в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. М., 1975, с. 75-81.

щие жанровую функцию и формальные особенности, а к периферии — тексты, активно взаимодействующие со смежными жанрами, а также тексты окказионально попадающие в сферу притяжения данного жанра.

В главе I «Тема искушения в средневековой книжности» совокупность произведений и жанров древнерусской духовной письменности исследуется как источник и регулярный контекст для фольклорной легенды об искушении.

Идея взаимодействия устной и книжной форм культуры заложена уже в самой основе религиозной системы христианства: Священное Писание и Священное Предание хранят в неразделимом единстве Богооткровенное знание, обрядовые установления и историческую память церкви.

Вместе с тем, разные жанры средневековой книжности внесли неодинаковый вклад в формирование смыслового и образно-поэтического поля «искушение».

Из составляющих Священное Писание книг Ветхого и Нового Завета преимущественное влияние на фольклорную легенду оказало Евангелие.

Эпизоды ветхозаветной истории (искушения Адама, Авраама, Иакова, Иова, Соломона *etc*) либо вовсе не известны народной легенде, либо усвоены ею через посредство апокрифов, деформирующих духовно-нравственные смыслы оригинала.¹⁵ Объяснение данному явлению следует искать не столько в ограниченной известности Ветхого Завета крестьянской среде, сколько в готовности народного сознания воспринять те образы и сюжетные коллизии, которые очевидным образом совпадают с реалиями собственного материального и душевного быта.¹⁶

Преобладающее влияние Нового Завета вполне объяснимо. В Евангелии заключено ядро православного вероучения. Евангелие — составная часть литургии и других церковных служб. Наконец, Евангелие доходит до народного сознания и через множество иных посредников: через церковную проповедь, через Евангельские цитаты в других текстах православной книжной традиции.

¹⁵ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях // Сборник ОРЯС, СПб., 1877, т. 17. Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях // Сборник ОРЯС, СПб., 1890, т. 52. Тихонравов Н.С. Памятники отреченной литературы Древней Руси, СПб., 1863, т. 2.

¹⁶ «Для них явь была красноречивей духа. Духовные явления сперва выступали как явления духа, доступные чувственно-эмпирическому удостоверению» — Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996, с. 29.

Влияние Евангелия (и вслед за ним апостольских Деяний, Посланий и Апокалипсиса) на народную легенду об искушении связано:

— с усвоением системы христианских понятий об искушении (поучения Спасителя, апостольские послания);

— с устным переложением эпизодов искушения тех или иных лиц Нового Завета;

— с усвоением жанровой формы притчи — нравственного примера.

Посредником между высотами Евангельских нравственных образцов и окружающей крестьянина действительностью оказывается агиография, слово проповеди и таинство исповеди. Жития святых (в том числе, соотечественников и, в особенности, местночтимых святых) открывают сознанию простую истину, что каждое событие — нравственно ценно, что повседневные тяготы быта и обыкновенные человеческие страсти являются теми реальными соблазнами, которые приходится преодолевать человеку на жизненном пути. Искушение не есть духовная абстракция, но практика каждодневной нравственной проверки всех сторон человеческого существования.¹⁷ Об этом же говорит слово проповедника, обращенное на злобу дня.¹⁸ Этот же лейтмотив пронизывает вопросные статьи чина исповеди.¹⁹

Принципиально иное влияние на фольклорную легенду об искушении следует признать для древнерусской новеллы (в особенности переводной). Подобно апокрифу она насыщает легендарный сюжет психологическими подробностями и утилитарными мотивировками. Будучи несоразмерным развитием тенденции к доступности, наглядности и актуальности повествования бытовая повесть деформирует духовные смыслы оригинала, смещая вектор рассказа в сторону эмоционально-эстетического интереса.²⁰

¹⁷ “Житие создается не для того, чтобы еще раз напомнить об ‘идеальном’, а чтобы показать путь к нему от ‘реального’, соединив последнее с первым, чтобы создать промежуточный вариант парадигмы, на который мог бы ориентироваться каждый” — **Топоров В.Н.** Святые и святость в русской духовной культуре. М., 1995, т. 1, с. 621.

¹⁸ **Памятники** древнерусской церковно-учительной литературы (под ред. А.И. Пономарева), вып. 1-4, Спб., 1894-97.

¹⁹ **Алмазов А.И.** Тайная исповедь в православной церкви. М., 1995, т. 3.

²⁰ **Ромодановская Е.К.** Система жанров в русской литературе переходного периода (XVII — пер. пол. XVIII вв.) // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998, с. 133-144.

Подытоживая рассмотрение вопроса о роли книжной традиции в сложении фольклорной легенды об искушении, перечислим факторы и уровни этого воздействия:

- система христианского мировидения в целом (в том числе, такие глубинные понятийные структуры, как *праведность, соблазн, грех, воздаяние, покаяние, спасение* etc.);

- нарративные модели *притчи* (обобщенного примера с героем-“неким человеком”), *мемората* (эпизоды жития, патериковые рассказы о конкретных лицах и событиях), *повести* (развернутого рассказа о чудесном событии со множеством психологических деталей и утилитарных мотивировок);

- конкретные мотивы, образы, стереотипные словесные формы (поверхностные структуры), заимствуемые фольклором из книжности.

Искушение понимается в рамках древнерусской книжности как нравственное испытание человека, результатом которого будет либо нравственное возвышение, либо падение.²¹ Материалом и формами искушения могут послужить любые жизненные обстоятельства (безличные или персонифицированные). Искушение как источник греха связывается с демоническим искусителем, либо с искаженным (бесовским) строем самой души человеческой.

Понятиями, тесно связанными с концептом искушения, оказываются:

— жизненное препятствие (беда, нужда, практическая проблема), за которым стоит нравственный выбор;

— нравственная стойкость (добродетель), падение (грех), нравственный рост (покаяние);

— духовная опытность, зрелость (искушенность) или духовное младенчество, слепота (неискусность);

— судьба, как подводимый смертью итог пройденных искушений (совершенных за время жизни нравственных выборов) — спасение или гибель.

²¹ Такое понимание подтверждается и данными словарей древнерусского языка: см. определения лексем “искушати”, “искушение”, “искус”; “прельстити”, “прелесть”, “лесть”; “смушати”, “съблазнити”, “съблажнение”: Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка, М., 1989, т.1, ч.2, ст. 1121-1124 ; т.2, ч.2, ст. 1661-1662; т.3, ч.1, ст. 642-643; 753. Словарь древнерусского языка XI — XIV вв. М., 1990, т.4, с. 20-27. Словарь русского языка XI — XVII вв., вып. 6, М., 1979, вып. 6, с. 264-267.

Главу II «Структура темы 'искушение' в фольклорной легенде» открывает описание ключевого понятия темы по данным диалектной речи. Языковые данные говорят о совпадении в основных элементах значения фольклорного и книжного понятия «искушение». Вместе с тем, данные говором обнаруживают для исследуемого концепта большее число синонимических и ассоциативных рядов, что обусловлено разнообразием *бытовых* контекстов употребления данного понятия (семантические гнезда глаголов «блажить», «блазнить», «манить», «морочить»²²).

Основное содержание главы составляет тезаурусное описание темы искушения по результатам анализа избранного массива фольклорных легенд.

Персонажи легенд распределены по трем классам согласно своей сюжетной роли: *протагонисты*, *антагонисты* и *антиподы* сюжетов об искушении.

В классе протагонистов (персонажей, претерпевающих искушения) отчетливо выделяются следующие группы действующих лиц:

1) Небесные Силы: Бог - Творец мира, Христос, Богородица, ангелы, святые — искушаемые своеволием падших духов и грешных людей (сюжеты «Творение мира», «Собачья шуба», «Как Христос с апостолами по земле ходил», «Николай Чудотворец и жадный мужик» *etc*);

2) монах, священник, мирянин — искушаемые бесами в их духовных трудах («Пустынник и бес», «Кормный боров», «Старик и царская дочь», «Священник и колдун», «В миру спастись легче»);

3) «один человек» (грешник, праведник) — искушаемый в повседневных заботах («Христов крестник», «Правда и Кривда», «О двух великих грешниках»);

4) крестьянин, мастерской, солдат — сталкивающийся с многообразными *практическими* и *психологическими* проблемами, за которыми нередко скрыта *нравственная* коллизия («Чудесная молотьба», «Кузнец и черт», «Золото-змея», «Купеческий сын отчитывает проклятую»).

Очевидным образом к ядру жанра легенд принадлежат персонажи, вовлеченные собственно в духовную борьбу, а к периферии — герои, разрешающие повседневные утилитарные конфликты, в которых прикровенно присутствуют нравственные противоречия.

²² *Словарь* русских народных говоров, вып. 2, 1966; вып. 12, 1977; вып. 18, 1982.

Аналогичным образом, к жанровому я д р у легенд принадлежат антагонисты — сатана и бесы, а к п е р и ф е р и и — мифологические персонажи (домовые, водяные, лешие *etc*).

К числу антиподов относятся такие действующие лица, которые в рамках сюжета сами не претерпевают искушения (не являются протагонистами) и не порождают соблазны (подобно антагонистам), а помогают реализоваться *положительным нравственным* намерениям героя. Таковыми являются Христос, Богородица, ангелы, святые, праведники — испытывающие героя в его намерениях, обличающие нечестивого и покровительствующие добродетельному в жизненных обстоятельствах.

В структуре **предикатов** легенд об искушении к я д р у жанра принадлежат предикаты *преодоления* искушения (их наличие свидетельствует об осознанном видении нравственной нормы), *духовного приобретения* (духовные дары видеть иной мир, знать судьбу) и *духовных потерь* (уверенность в собственной спасенности — бесовская прелесть). К п е р и ф е р и и легенды относятся предикаты *практических потерь*: болезнь (не благословясь, из непокрытого сосуда пил), пожар (уничтожает наработанное в церковный праздник). Практические неудачи косвенно свидетельствуют о духовных нестроениях личности.

Среди **атрибутов** действующих лиц и **объектов** действия к я д р у легенд принадлежат реалии, символизирующие собой человеческие страсти, ввергающие героя в искушения (золото, зеркало, водка, табак *etc*), и наоборот, реалии духовного возрастания (милостыня), а также орудия духовной борьбы с искушениями (иконы, молитва, крестное знамение). К п е р и ф е р и и следует отнести реалии магического обихода (медные пуговицы, переобувание-переодевание, заговоры, матерную брань *etc*) и новеллистические объекты и атрибуты (карты, волшебная сума).

К я д р у легендарного жанра принадлежат представления о вертикальной организации **пространства** (Небо — земля) и линейной структуре **времени** (от духовного рождения — к Страшному суду).²³ К п е р и ф е р и и — горизонтальные рубежи своего/ чужого пространства и цикличное течение времени (прагматическая система координат), а также дурная бесконечность новеллистических походов («Как солдат шел со службы», «Бесстрашный»).

²³ Особенно характерными для хронотопа легенд являются временные рубежи 7, 16, 35 и 70 лет, обозначающие этапы духовного роста и время наибольших искушений.

Обобщая сказанное, следует определить содержательную природу легенд об искушении как изображение *нравственной* ипостаси человека, а также *духовного* космоса, вовлеченных в *метафизический* конфликт Божественного и демонического начал.

Глава III «**Композиция фольклорных легенд об искушении**» посвящена механизмам построения нарративного *высказывания*. К их числу относятся:

- взаимодействие персонажных точек зрения, определяющее единство *фабулы*;
- реальная композиция эпизодов в *сюжете* (уровень повествовательской точки зрения);
- формы метатекста, отражающие коммуникативный диалог рассказчика и аудитории.

Фольклорные легенды об искушении знают пять типов фабул:

1) герой стойко претерпевает искушения, преодолевает соблазн, приумножает добродетель (“Солдат подумал: «Это нечистой дух надо быть старается искушать меня, шtbody я пожалел опущенные в кружки петаки, и как я пожалею их, так не в прок оне для меня пойдут; не стану слушать ево!»”);

2) герой впадает в искушение и терпит поражение в духовной борьбе (“Крепился он, крепился и не выдержал... выпил один стакан, другой, и забыл про свое спасение: наелся скоромного и блуд сотворил”);

3) герой покаянием возрождается после нравственного падения (“Черти прежде были ангели, от того они и знают ангельские гласы. Как запел нечистый — так и поднялся на небо: Бог простил его за это пение”);

4) герой гибнет физически и морально (“И как взял пустынный деньги, тут же и умер. И дьявола схватили его душу и утащили в ад”);

5) герою открывают глаза на его духовные нестроения *до* того как свершится окончательное падение (“Ну, иди, поп, домой. Службу служи да Богу молись, от жадности избавляйся. А что ты мою икону разбил, то ты худо сделал”).

Воплощение фабулы в элементарном (одноходовом) сюжете, как правило, связано с выдерживанием рассказчиком единственного *нравственного* взгляда на события, которому подчинены все персонажные точки зрения.

Усложнение сюжетной структуры с целью раскрыть помимо нравственных психологические и утилитарные мотивы действий героев, ставит вопрос об *иерархии*

этических, прагматических и эмоционально-эстетических перспектив в повествовании.

Доминанта нравственного угла зрения над утилитарным и психологическим выражается явными или скрытыми формами повествовательского метатекста — *морали* (“Так всегда, в недобрый час его помянешь — он тут как тут, только добра от того не жди. Потому бес дан человеку на посрамление да на горести”).

Степень и формы проявления позиции повествователя в тексте легенды зависят от его мировоззренческих установок, нравственного опыта, его укорененности в духовной традиции.

К числу факторов, определяющих композицию повествования, помимо собственных установок рассказчика следует отнести коммуникативные ожидания его аудитории. Смысловые акценты, сжатое или подробное изложение сюжета, характер мотивировок действия могут быть обусловлены разницей в возрасте и социальном положении рассказчика и аудитории, расхождениями в бытовых, хозяйственных и иных культурных навыках; конфессиональными и национальными особенностями менталитета повествователя и слушателей.

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Отмечается, что, складываясь в основных своих чертах в эпоху средневековья *одновременно с формированием нации*,²⁴ легенда оказывается на острие развития русской духовной культуры: “Осевой аспект народной культуры на протяжении средневековья — становление личности, нарастание и обогащение личностного начала в духовной жизни народа”.²⁵

Именно христианское мировидение преодолевает замкнутость крестьянской общины в циклическом воспроизведении бытовых, хозяйственных, социокультурных регламентаций, обращается к человеку как таковому, минуя его корпоративную включенность.

Развитие личностного начала естественно связывать с развитием *нравственного сознания*. Покаянное видение греховных нестроений собственной личности, духовная точность различения добра и зла требуют каждодневной *проверки себя* и

²⁴ “Легенда — наиболее национальный из всех жанров русского фольклора” - Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998, с. 273.

²⁵ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996, с. 7.

испытания окружающего мира критерием духовной пользы/ вреда. Нравственное испытание — неотъемлемый элемент православной картины мира, и, следовательно, степень и характер усвоения понятия «искушение» фольклорной традицией может послужить диагностическим контекстом для исследования народного православия именно как *христианства* — нравственного мировидения, а не совокупности обрядовых элементов и форм.

Единство задач (дать нравственную оценку реальности), решаемых произведениями легендарного жанра *и* в книжности, *и* в фольклоре, позволяет говорить о едином процессе развития средневековой духовной словесности, и, в частности, о единстве в эволюции повествовательных механизмов жанра легенды.

Средневековая книжная легенда об искушении наследует от Священного Писания нравственные модели (преодоления соблазна \ впадения в искушение \ нравственного отрезвления) и нарративную форму притчи (обобщенного примера с героем-“неким человеком”). В свою очередь, агиография и слово проповеди соединяют высоту нравственных образцов с конкретными фактами окружающей действительности, рождая форму легенды-мемората. Наконец, апокриф и бытовая повесть насыщают легендарный сюжет психологическими подробностями и утилитарными мотивировками (деформируя изначальную природу легендарного жанра, смещая вектор повествования в сторону новеллы).

Аналогичным образом, к ядру фольклорной легенды относятся тексты, воплощающие этический угол зрения на мир либо *монологически*, либо как *доминанту* в иерархии персонажных точек зрения, а на периферии окажутся повествования, в которых нравственный аспект мировидения подчинен утилитарному либо эмоционально-эстетическому. Обобщая сказанное, следует охарактеризовать жанр фольклорной легенды как духовно-нравственную ипостась единого массива устной не-сказочной прозы.

Сформулированная во Введении цель — описать принципы организации повествования в фольклорной легенде об искушении — воплотилась в настоящей работе в *типологии* нарративных структур жанра. Как следствие, к перспективам исследования необходимо отнести детальное описание *стилевых* механизмов легенды:

— синонимических и ассоциативных рядов мотивов, лежащих в основе функционирования сюжета в смысловом поле той или иной темы,²⁶

— форм речевой стереотипии (в связи с их функциями в повествовании).

Кроме того, последовательное применение предложенной методики описания повествовательных структур к смежным с легендой областям сказочной прозы может существенно обогатить и уточнить полученные в настоящей работе выводы о природе фольклорного нарратива.

Наконец, наиболее четко проследить зависимость композиции легенды от мировоззренческих и стилевых установок рассказчика и аудитории возможно в условиях устойчивой коммуникативной среды — первичных контактных групп, таких как: приходская община, монастырское окружение (паломники, трудники, окрестные жители).²⁷

Изучение фольклорной легенды остается перспективным направлением современной науки не только по причине недостаточной разработанности ряда специальных вопросов, но, прежде всего, в силу особого значения устной легенды для понимания духовного облика современного общества, не имеющего нравственной традиции, утратившего навыки интерпретации книжных религиозных текстов и реализующего совместный духовный поиск наиболее адекватно в прямом человеческом контакте.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Семантические принципы построения сюжета в легенде и быличке // Студенческие научные доклады. Литературоведение. М., 1992, с. 3-7.
2. Методология анализа легендарной прозы как этическая проблема // Язык, литература, культура: традиции и инновации (материалы конференции молодых ученых). М., 1993, с. 78 - 79.
3. Двоеверие как диглоссия (к проблеме жанровой дифференциации устной сказочной прозы) // Филологические науки, 1994, № 4, с. 29 - 37.
4. Мотив предвидения в сюжете легенды // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. М., 1994, с. 55 - 59.

²⁶«Под сюжетом я разумею тему, в которой *снуются* разные положения-мотивы». - **Веселовский** А.Н. Историческая поэтика. М., 1989, с. 305.

²⁷Ср. **Тарабукина** А.В. К характеристике прицерковной культуры: семантика образа святого места в фольклорной традиции восточных славян // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998, с. 482-492.

5. Эволюционные типы легендарного повествования // Филологические науки, 1996, № 5, с. 35 - 42.
6. Периферийные явления в идеологической фольклорной прозе // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 2. М., 1997, с. 89 - 92.
7. Проблемы исследования фольклорного нарратива // Литературоведение на пороге XXI века. Материалы международной научной конференции. М., 1998, с. 266-270.